

На правах рукописи

Ефименко Илья Алексеевич

**Борьба с инакомыслием в императорской России
в период правления Николая I (1826-1855 гг.):
историко-правовое исследование**

**Специальность 12.00.01 -
теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

Автореферат диссертации на соискание
ученой степени кандидата юридических наук

Краснодар, 2011

Диссертация выполнена в Кубанском государственном аграрном университете

Научный руководитель:

Рассказов Л.П. – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Официальные оппоненты:

Курдюк П.М. - доктор юридических наук, профессор

Рябченко А.Г. - доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор

Ведущая организация – Ростовский социально-экономический институт

Защита диссертации состоится 3 марта 2011 г. в 10 час., в ауд. 215 на заседании диссертационного совета по присуждению ученой степени доктора юридических наук ДМ 220.038.10 при Кубанском государственном аграрном университете (350044 Краснодар, ул. Калинина,13).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кубанского государственного аграрного университета (350044 Краснодар, ул. Калинина,13).

Автореферат разослан " ____ " _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор

Камышанский В.П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется комплексом проблем, связанных с развитием в России демократических институтов, являющихся неотъемлемой частью правового государства, которым формально объявлено российское государство (ст. 1 Конституции России). Однако фактически имеются далеко не все признаки правового государства. Это касается, в частности, недостатков в развитии гражданского общества, конкурентной экономики. Нуждается в совершенствовании партийно-политическое строительство, деятельность средств массовой информации в контексте их независимости, избирательная система, институт местного самоуправления и т.д. Одним из существенных признаков демократического развития общества является наличие реальной политической оппозиции, которая способствует наибольшей сбалансированности общественных отношений. Пока в этом Россия отстает от ведущих государств мира. Одной из причин такого положения является негативный опыт взаимоотношений власти и противостоящих ей политико-идеологических структур. В этом контексте исследовательский интерес представляет период правления императора Николая I (1826-1855 гг.), который, как известно, начал с подавления восстания декабристов, которые являли собой первое в России организованное оппозиционное движение (ранее также имелись проявления инакомыслия, например, Радищев и Новикова при Екатерине II, но они были инакомыслящими-одиночками). Николай I предпринял ряд жестких мер для предотвращения повторения событий 14 декабря (усиление цензурных запретов, возрождение могущества тайной политической полиции и др.), и был в этом достаточно последователен в течение всего царствования (в отличие от своего предшественника Александра I). Тем не менее инакомыслие в России продолжало развиваться, а точнее расширяться, то есть оппозиционная идеология стала разветвляться, распространяться как территориально (включая выход за пределы России в лице вольной типографии Герцена), так и социально, привлекая внимание представителей различных сословий (в то время как декабристы представляли военных-дворян). Данный феномен требует своего дополнительного осмысления с точки зрения науки истории государства и права - равно как и причины, побудившие власть впервые объявить концепцию государственной идеологии (известная триада «Православие, самодержавие, народность») в попытке противопоставить ее становившимся популярными иным идеологиям. В этом контексте требуют уточнения политико-правовые взгляды как инакомыслящих-либералов («славянофилы», «западники»), так и инакомыслящих революционно-демократического направления (Герцен, Белинский, петрашевцы и др.), которые критиковали существующее в России общественно-политическое устройство, но по-разному видели государственно-правовые перспективы. Важно также проследить тенденции развития издательского дела и журналистики, посредством которых инакомыслящие доносили свои идеи до общества. Необходимо, далее, разобраться еще с одним феноменом – несмотря на формальное усиление цензуры, в николаевской России в целом наблюдалась возрастание активности в сфере журнальной периодики, и,

более того, к концу правления Николая I многие цензоры фактически закрывали глаза и пропускали к публикации то, за что ранее могло быть начато уголовное преследование. Очевидно, что общество с крепостническим режимом заждалось перемен, и вот как раз деятельность инакомыслящих во многом предопределила содержание и ход проведения известных реформ после смерти Николая I. В период правления этого императора несколько изменились и репрессивные меры в отношении инакомыслящих, признанных государственными преступниками, что видно, например, по уголовно-политическому процессу петрашевцев (1849 г.) – в отличие от декабристов, власть в итоге не решилась на казни. Соответственно требуется проанализировать правовое регулирование, а также содержание и методы деятельности государственного карательного механизма в борьбе с инакомыслием. Указанные обстоятельства предопределили выбор диссертантом темы научного исследования.

Степень разработанности темы. Инакомыслие как оппозиционная идеология в период николаевской России рассматривалась авторами, начиная со второй половины XIX в. В частности, вопросы данной проблематики изучали такие авторы, как Ф.Ф. Бережной, А.М. Блюм, В.В. Богатов, А.Г. Дементьев, В.А. Дьяков, Б.И. Есин, О.А. Иванов, В.А. Кошелев, В.В. Лазарев, А.М. Левитов, М.К. Лемке, С.Б. Окунь, А.М. Песков, А.Н. Пыпин, Л. С. Райский, В.Н. Розенталь, Е.Л. Рудницкая, Л.И. Славин, Н.Г. Сладкевич, З.В. Смирнова, Л.Н. Суворов, И.А. Федосов, М.М. Шевченко, В.Е. Якушкин и др. Если иметь в виду юридическую основу и практику деятельности политической полиции и других правоохранительных органов, то эти аспекты применительно ко второй четверти XIX в. изучали, в частности, В.В. Возный, М.Н. Гернет, Г.А. Головков, Ф.М. Лурье, Р.С. Мулукаев, И.И. Мушкет, В.Н. Семеvский, И.Н. Тарасов и др. По сходным проблемам был защищен ряд диссертаций, причем, как в советский, так и в современный периоды: Блюм А.В. Местная книга и цензура в дореформенной России (1784-1860). М., 1966; Деревнина Т. Г. III Отделение и его место и его место в системе государственного абсолютной монархии в России (1825-1855 гг.). М., 1973; Дулов А.В. Общественно-политическая деятельность и эволюция взглядов петрашевцев в Сибири. Иркутск, 1965; Дурдыева Л. М. С. С. Уваров и теория официальной народности. М., 1996; Кодан С. В.. Юридическая политика Российского государства (1800 - 1850-е гг.). Екатеринбург, 2004; Лейкина-Свирская В.Р. Петрашевцы и общественное движение 40-х годов XIX века. Л., 1956; Медведев П.Н. Политико-правовые взгляды А.С. Хомякова. М., 2006; Павлов А.В. Учение о государстве и праве А.И. Герцена. Владимир, 2007; Пинигин П.В. Организационно-правовые основы деятельности полиции по «Уставу благочиния или Полицейскому» (1782-1862). М., 2003; Полусмак Т.Л. Цензурное законодательство дореволюционной России. Нижний Новгород, 2003; Романов В.В. Местные органы политической полиции Российской империи: структура, компетенция, основные направления деятельности 1826-1860 гг. (на материалах Поволжья). Чебоксары, 2008; Чукарев А. Г. Третье Отделение и русское общество во второй четверти XIX в. (1826 – 1855 гг.) и др. Вместе с тем заявленная проблематика, связанная с развитием инакомыслия во взаимосвязи с мерами государства по борьбе с этим явлением в период 1826-

1855 г. в указанных аспектах в их комплексности еще не нашла достаточно разработанности в истории государства и права, и не была предметом самостоятельного монографического исследования.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом исследования являются общественные отношения, которые возникали и развивались в связи с появлением и деятельностью инакомыслия как политической формы протестного движения в николаевской России (1826-1855 г.). В предмет исследования включены научные труды, посвященные данной проблематике, законодательные и иные акты, регулирующие деятельность репрессивность органов, нормы об юридической ответственности, к которой привлекались инакомыслящие, их политико-правовые взгляды, материалы уголовно-политического процесса над петрашевцами.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период правления Николая I (1826-1855 г.). С приходом во власть этого императора в России были усилены меры репрессивного характера в отношении инакомыслящих, при этом Николай I был достаточно последователен в своей позиции, и лишь после его смерти общественно-политическое развитие России получило определенную модернизацию. Таким образом, императорство Николая I в контексте исследуемой проблематики представляет собой целостный период российской истории.

Целью исследования является анализ инакомыслия как политической формы протестного движения в николаевской России (1826-1855 г.), практики преследования инакомыслящих со стороны власти, что позволяет расширить и углубить научные знания по данной проблематике и использовать их для выработки более оптимальных отношений государства и общества в современный период.

Поставленная цель предопределила следующие задачи:

- выявить особенности развития инакомыслия как общественно-политического явления в условиях укрепления административно-властных отношений в николаевской России;
- дать характеристику внутренней политике Николая I и показать ее влияние на интенсивность и характер проявления инакомыслия среди представителей различных общественных слоев;
- изучить политико-правовые взгляды «славянофилов» и «западников» в контексте развития общественной мысли России во второй четверти XIX в.;
- исследовать сущность инакомыслия революционно-демократического направления (Герцен, Белинский, петрашевцы и др.) и организационные формы его консолидации;
- проанализировать основные тенденции в развитии государственного репрессивного механизма в борьбе с инакомыслием в годы правления Николая I;
- раскрыть административно-уголовные запреты в отношении инакомыслящих и ответственность за их совершение;
- исследовать III Отделение как важнейшее звено в системе политико-репрессивных органов;

- изучить следствие и суд по делу петрашевцев (общественно-политический и уголовно-процессуальный аспекты).

Методология исследования. При работе над диссертацией автор руководствовался принципом научной объективности, понимаемым как право ученого на самостоятельное творчество при отказе от конъюнктурных соображений, идеологических штампов. При проведении исследования соблюдался принцип историзма, предусматривающий сбор объективной информации по исследуемому вопросу, логически последовательный, всесторонний анализ историко-правовых явлений. Одним из наиболее ценных источников исследования явились научные труды, статьи, выступления ученых-юристов, сочинения инакомыслящих периода николаевской России. В диссертации использованы сборники документов по исследуемой проблематике, в том числе в сфере цензурного законодательства (Цензурные уставы 1826 и 1828 гг.), полицейского и уголовно-процессуального законодательства (указ о создании III Отделения, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и др.). Определенную часть в источниковой базе диссертации составляют архивные материалы, связанные с деятельностью власти по борьбе с инакомыслием.

Научная новизна исследования определяется прежде всего тем, что в данной работе впервые на комплексном монографическом уровне изучена проблематика, связанная с развитием инакомыслия как политической формы протестного движения в николаевской России (1826-1855 г.). В диссертации выявлены истоки и причины появления инакомыслия, показаны основные тенденции развития этого явления в условиях крепостнической России. Проанализированы и систематизированы политико-правовые взгляды инакомыслящих, показаны общие черты и различия основных направлений инакомыслия (славянофилы, западники, революционеры-демократы). Изучены содержание, методы и формы деятельности инакомыслящих. Выявлены организационно-правовые основы и раскрыто действие репрессивного механизма государства в преследовании инакомыслящих. На примере уголовно-политического суда над петрашевцами показаны особенности уголовного и административного преследования инакомыслящих.

В результате проведенного исследования разработаны следующие **основные положения, выносимые автором на защиту:**

1. Общественно-политическое состояние России периода правления Николая I характеризуются сохранением абсолютизма и углублением социальных противоречий. Крепостное право, феодальные отношения, противодействие капиталистическим преобразованиям – все это тормозило развитие страны, и обсуждение этих проблем все больше и больше занимало умы представителей различных социальных слоев. Острота противоречий приводила мыслящую часть общества к осознанию необходимости делать их предметом обсуждения общественности, и, таким образом, инакомыслие, вопреки жесткой цензурной политике, получало дополнительный импульс в своем развитии. При этом инакомыслие проявлялось прежде всего в виде соответствующих печатных публикаций, выступлениях с университетских кафедр, во время публичных слушаний. Помимо чисто интеллектуальных дискуссий, проводимых в разрешенных

властью рамках, в рассматриваемый период возникали нелегальные идеологические кружки, активность которых в 1830-х гг. наблюдалась среди студенчества, а позже сформировались и кружки с планами практического изменения общественного строя России, что можно расценивать как продолжение дела декабристов, и в целом имела место определенная консолидация инакомыслящих, несмотря на их репрессии со стороны власти.

2. Инакомыслие второй четверти XIX в. целесообразно классифицировать на два вида: 1) либеральное инакомыслие; 2) радикальное инакомыслие. Либеральное направление, в свою очередь, делилось на два течения – «славянофилы», видевших будущее страны в возрождении и развитии русских допетровских традиций, и «западники», полагавших, что России нужно следовать по пути демократии развитых государств Европы. Между представителями этих течений шли активные дискуссии, но при этом имелись и общие позиции: необходимость отмены крепостного права, предоставления политических свобод, развитие представительности во власти. Либеральное инакомыслие в целом действовало в пределах действующих законов, зачастую используя иносказательные формы выражения своих идей, обычно в литературных произведениях и критике. Их представители не призывали к свержению царизма, то есть отсутствовала революционная составляющая. Радикальное инакомыслие, предполагавшее изменение существующего политического строя, в том числе путем революции, находилось вне закона, за что и подвергалось репрессиям.

3. Славянофилы, отвергая современную им Россию, не принимали для будущего России и Европу. По их мнению, западный мир изжил себя и будущего не имеет (здесь наблюдается некоторая схожесть с теорией официальной народности). Славянофилы отстаивали историческую самобытность России и выделяли ее в отдельный мир, противостоящий Западу в силу особенностей русской истории, русской религиозности, русского стереотипа поведения. В отличие от славянофилов, западники русскую самобытность оценивали как отсталость. С точки зрения западников, Россия, как и большинство других славянских народов, долгое время была как бы вне истории. Главную заслугу Петра I они видели в том, что он ускорил процесс перехода от отсталости к цивилизации. Реформы Петра для западников - начало вхождения России во всемирную историю. В то же время они понимали, что реформы Петра I были сопряжены со многими издержками. И тем не менее Россия и Западная Европа идут одинаковым историческим путем, поэтому Россия должна заимствовать опыт Европы. Важнейшую задачу они видели в том, чтобы добиться освобождения личности и создать государство и общество, обеспечивающие эту свободу. Силой, способной стать двигателем прогресса, западники считали «образованное меньшинство». Славянофилы и западники являлись представителями либерально-буржуазной идеологии, возникшей в дворянской среде под влиянием кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства. Либеральные идеи западников и славянофилов пустили глубокие корни в русском обществе и оказали серьезное влияние на следующие поколения людей, искавших для России пути в будущее. Власть относилась к либеральным инакомыслящим с подозре-

нием, контролировала их деятельность, но не подвергала уголовным репрессиям.

4. В рассматриваемый период российская власть в противовес инакомыслию впервые выдвинула концепцию государственной идеологии, которую министр просвещения С.С. Уваров в одном из докладов императору сформулировал в триаде «Православие, Самодержавие, Народность». Предполагалось, что эту идеологию следовало активно изучать в образовательных учреждениях всех уровней, впитывая у подрастающего поколения уважение к действующей власти и неприятие революционизма. Однако уже в конце 1840-х гг. стало ясно, что такой подход не дает ожидаемых результатов, инакомыслие все шире проникало в общество, и Николай I сделал ставку на подавление инакомыслия с помощью репрессий, для чего был существенно укреплен аппарат политической полиции, которая будет иметь главную роль в борьбе с инакомыслием.

5. Особенностью инакомыслия в николаевской России было наличие нелегальных идеологических кружков, преимущественно среди студентов, в которых обсуждались в числе прочего вопросы изменения общественно-политического строя России (кружки братьев В.И. и М.И. Критских, «литературное общество 11-го нумера» - кружок Белинского, кружок «Сунгуровское общество», кружок Герцена, кружок петрашевцев и др.). Эти кружки, толчком для появления которых стало декабристское движение, консолидировались в оппозиционное движение (хотя и сравнительное небольшое по своим масштабам и без единого управления) официальной идеологии и были преследуемы властью. По характеру своей деятельности эти кружки имели аналогию с диссидентами советского периода и в совокупности они положили начало развитию в России социалистического учения. В 1840-е гг. власти удалось путем усиления репрессивных мер сузить масштабы кружковой деятельности. Однако процесс консолидации инакомыслящих продолжался и приобретал все более радикальный характер.

6. Радикальное инакомыслие в период николаевской России сочетало в себе как формирование и распространение оппозиционной власти идеологии, так и определенную организационную консолидацию. Важным представляется и то обстоятельство, что оппозиционная идеология стала принимать более системный, последовательный характер. В целом радикальное инакомыслие имело в своей основе социалистическое учение. Так, Герцен увязывал будущее человечества с Россией, которая придет к социализму, минуя капитализм. Важную роль в этом должна была сыграть община, хранившая в себе начало социалистического общества. Будущий социалистический строй в России должен был установиться после отмены крепостного права, с развитием общинных начал в сочетании с утверждением демократической республики. На 1840-е гг. приходится расцвет деятельности выдающегося публициста и литературного критика России В.Г.Белинского. Основным условием всех преобразований в России Белинский видел в отмене крепостного права и ликвидации существовавшего сословного и политического строя. «Вопросом вопросов» была для него идея социализма. В известном «Письме к Гоголю» Белинский сформулировал революционно-демократическую программу-минимум на 1840-е гг., включавшую от-

мену крепостного права, прекращение телесных наказаний и элементарное соблюдение законов в стране. Важную роль в формировании и распространении социалистических и революционных идей сыграл кружок петрашевцев, где были популярны социалистические взгляды, обсуждалась возможность организации революционного выступления, в котором движущей силой должны были стать народные массы. Фактически кружок петрашевцев стоял на дороге создания тайной организации с революционно-демократической программой. Кружок петрашевцев занял важное место в истории русского освободительного движения. Он воплотил в себе назревшую к середине 1840-х гг. тенденцию перехода от дворянской революционности к разночинской. Именно в нем раньше, чем в каких-либо других кружках, сказались признаки зарождения новой, революционно-демократической идеологии (обоснование роли народа как главного субъекта революции; восприятие и критическое освоение применительно к российской действительности идей утопического социализма).

7. В период правления Николая I против инакомыслящих были направлены меры как административно-правовых, так и уголовно-правовых запретов. К числу административно-правовых относились цензурные ограничения, посредством которых власть пыталась фильтровать «зловредные» печатные публикации в книгах, журналах и газетах. С этой целью были утверждены Цензурные уставы (сначала очень жесткий в 1826 г., а затем несколько смягченный в 1828 г.). Однако на завершающем этапе рассматриваемого периода степень ограничений фактически стала снижаться, что отражало объективную потребность российского общества в большей свободе печати. Уголовно-правовые запреты были сконцентрированы в уголовном законодательстве (сначала в Своде законов, а затем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором нашла отражение более углубленная и расширенная систематизация уголовно-правовых норм, в частности, были выделены разделы и главы, где отдельно обобщались составы преступлений собственно против политической власти). В целом административно-правовые меры борьбы с инакомыслием в законодательном порядке были систематизированы только в отношении цензуры, однако и здесь не было системы в части административной ответственности в отношении инакомыслящих. Это обстоятельство можно объяснить тем, что и в целом сфера административной ответственности еще не была развита так, как уголовное право.

8. После восстания декабристов роль политического сыска в России резко возросла. Учреждаются сначала III Отделение (1826 г.) и затем корпус жандармов (1827 г.), которые сосредоточивают в своих руках огромные полномочия, аналогичные тем, которые имели тайные канцелярии и экспедиции в XVIII в. В связи с тем, что на первом этапе главными противниками самодержавной власти виделись либерально настроенные дворяне, в числе которых были даже представители древних родов, наблюдательная деятельность III Отделения не требовала большого количества исполнителей. Считая, что со злом надо бороться в его зародыше, III Отделение и жандармерия вначале даже небольшим составом относительно успешно справлялись с задачами добывания необходимой информации и принятия мер по пресечению попыток антигосударственных

выступлений со стороны инакомыслящих. Ближе к середине XIX в. деятельность органов политического сыска значительно активизировалась, нагнетая в обществе атмосферу страха и одновременно ненависти к этому оплоту самодержавия. При этом в борьбе с инакомыслием использовались также органы общей полиции, которые входили в состав Министерства внутренних дел

9. Уголовно-политический процесс по делу радикальных инакомыслящих - петрашевцев (1849 г.) во многом имеет аналогию (создание тайного общества, распространение «зловредных» идей) с процессом декабристов. В значительной степени это обусловлено тем, что в обоих случаях на троне находился один император – Николай I, который по своим общественно-политическим взглядам оставался последовательным сторонником абсолютистской монархии и крайне негативно относился к любым проявлениям инакомыслия, и особенно к практическим действиям по реализации оппозиционной идеологии, которую проповедовали петрашевцы. Ход следствия по этому делу непосредственно контролировался императором. Основным следственным действием были допросы обвиняемых в совершении государственного преступления, при этом подследственные давали как устные, так и письменные показания. В конечном итоге Николай I не решился утвердить смертный приговор наиболее активным петрашевцам, заменив другими видами наказания (как правило, каторгой), однако не удержался от инсценировки расстрела. Как и в случае с декабристами, процесс над петрашевцами был закрытым, однако резонанс по его результатам оказался гораздо более сильным, особенно в зарубежной оппозиционной (герценовской) печати. Кроме того, петрашевцы, и прежде всего сам Петрашевский, во время следствия и суда занимали более активную позицию, выдвигая требования процессуального характера и ссылаясь на конкретные правовые нормы, то есть защищали сами себя как адвокаты. Если еще учесть, что в составе петрашевцев были представители различных социальных групп (военные, художники, писатели, ученые, студенты и др.), то можно говорить о том, что данный уголовно-политический процесс отражал возросшие потребности российского общества в общественно-политических переменах.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования заключается прежде всего в том, что результаты проведенного историко-правового анализа проблемы инакомыслия в николаевской России (1826-1855гг.), а также теоретические положения, содержащиеся в диссертационном исследовании, могут представить научный интерес в изучении истории политико-правовых учений, деятельности оппозиционных власти общественно-политических структур, репрессивных органов в нашей стране. Текст исследования может применяться при подготовке методических и научных разработок по истории отечественного государства и права, в учебно-воспитательном процессе, при чтении академических курсов, лекций, спецкурсов по истории судебной власти, правоохранительных органов и др.

Апробация результатов исследования. Наиболее важные результаты диссертационного исследования нашли отражение в авторских публикациях, они использованы при проведении занятий по курсу «История отечественного государства и права» в Кубанском государственном аграрном университете,

других высших учебных заведениях. Научные, педагогические работники, работники правоохранительных органов, общественных организаций могли ознакомиться с основными положениями диссертации на научно-практических конференциях в Краснодаре, Новороссийске, Ставрополе, в работе которых участвовал диссертант.

Структура диссертации определена характером и объемом научного исследования и включает в себя введение, две главы, объединяющие шесть параграфов, заключение и библиографический список.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава **«Особенности развития инакомыслия как общественно-политического явления в условиях укрепления административно-властных отношений в николаевской России»** включает в себя три параграфа.

В первом параграфе *«Внутренняя политика Николая I и ее влияние на интенсивность и характер проявления инакомыслия среди представителей различных общественных слоев»* в его начале дается социально-экономическая характеристика российского общества во второй четверти XIX в. Отмечается, что развитие шло на фоне противоречивых явлений. Так, население страны за первую половину века возросло с 38 до 69 млн. человек, при этом основную часть населения по-прежнему составляли крестьяне, в том числе значительную долю составляли крепостные (в 1858 г. - 37,5%). Вместе с тем экономическое развитие изменяло акценты, крестьяне все чаще стали уходить работать по найму, становились торговцами или ремесленниками, и именно крестьянские промыслы служили основной базой развития капиталистической мануфактуры в России; они производили подавляющую часть продукции обрабатывающей промышленности. Соответственно городское население России за первую половину XIX в. выросло с 2,8 млн. до 5,7 млн. человек, а его удельный вес вырос с 6,5 до 8%. В контексте рассматриваемой проблематики и с учетом трансформации дворянского сословия, которое также поляризовалось, это явление представляется очень важным, поскольку оно оказывало влияние на общественное сознание, а именно на расширение поддержки тех политико-идеологических течений, которые противопоставлялись официальной государственной идеологии. Очевидно, предчувствуя изменения, помещики разнообразными средствами пытались увеличить товарность своих имений, и многие делали путем еще большего нажима на крестьянина, что, в свою очередь, порождало рост сопротивления и создавало условия для сочувствия и поддержки оппозиционных власти движений. При этом, несмотря на эти социально-экономические изменения и определенные уступки укрепляющейся российской буржуазии, установленное в России деление общества на сословия оставалось, в принципе, неизменным, и правовое положение отдельных групп населения было прежним. В целом особенность развития России в период правления Николая I заключалась в том, что самодержавный принцип в практике государственного управления

получил классическое воплощение и был возведен в абсолют. Проводником этого принципа стал государственный аппарат, где особе место заняло одиозное III Отделение, превратившееся в опору в борьбе власти с инакомыслием. Свою роль сыграл и внешний фактор – революции в Европе заставили императора укрепить администрирование внутри России. В официальной деятельности николаевской власти наряду с позитивными решениями (например, завершение кодификации российского законодательства) преобладали меры реакционного характера, направленные прежде всего на борьбу с инакомыслием. Далее дается общая характеристика таких мер. Так, в 1826 г. вышел цензурный устав, прозванный его современниками «чугунным» - по нему запрещалось почти все, что содержало в себе малейшую угрозу власти. Литераторам не разрешалось писать о власть предержащих, были запрещены не только критика, но и восхваления. Например, гоголевский «Ревизор» появился на сцене как исключение, сделанное с личного разрешения Николая I. Известны отношения императора с Пушкиным и реакция власти на стихи Лермонтова в связи со смертью Пушкина. В 1850 г. по распоряжению Николая I была запрещена постановка пьеса Н. А. Островского «Свои люди - сочтемся». Комитет высшей цензуры остался недоволен тем, что среди выведенных автором персонажей не оказалось «ни одного из тех почтенных наших купцов, в которых богобоязненность, праводушие и прямота ума составляют типическую и неотъемлемую принадлежность». Тем не менее следует признать, что в период Николая I литературно-издательская деятельность развивалась достаточно активно, хотя и ориентированная в лояльном для властей русле. В этой связи диссертант рассматривает основные направления журналистской активности, указывается, в частности, что ее центр сместился в Москву. Литературные журналы стали площадкой, где высказывались различные позиции по оценке общественного развития России – разумеется, в рамках, очерченных цензурой. Правительство также не осталось безучастным к этой дискуссии - в отличие от первой четверти XIX в., власть достаточно четко сформулировала государственную идеологическую концепцию – так, в начале 1830-х гг. появилось на свет идеологическое обоснование политики самодержавия – т.н. теория «официальной народности». Автором ее был министр народного просвещения С.А. Уваров. В 1832г. в докладе царю он выдвинул формулу основ русской жизни: «Православие, Самодержавие, Народность»; эта формула раскрывается в диссертации с акцентом на государственно-правовые вопросы. Идеологической альтернативой теории официальной народности в рассматриваемый период были два известных либеральных идеологических течения – «западников» и «славянофилов», которых следует относить к умеренному инакомыслию, поскольку они в целом действовали легально. Помимо славянофилов и западников в рассматриваемый период начало формироваться и более радикальное инакомыслие - революционно-демократическая идеология, у истоков которой стояли А.И.Герцен и В.Г.Белинский. Далее в диссертации раскрывается организационная основа деятельности инакомыслящих. В этой связи отмечается, что важную роль в формировании и распространении инакомыслия сыграли кружки различных идеологических направлений, объединяемых резкой критикой существующего

строю и стремлением к демократическому развитию (кружок братьев Критских, кружок Белинского, кружок Герцена и др.) – в работе дается характеристика этим кружкам, делается вывод о том, что в совокупности эти кружки, несмотря на отсутствие прямых связей между собой, представляли собой консолидированное оппозиционное движение, хотя и сравнительное небольшое по своим масштабам. В дальнейшем, уже в 1840-е гг. власти удалось путем усиления репрессивных мер сузить масштабы кружковой деятельности. Однако процесс консолидации инакомыслящих продолжался и приобретал все более радикальный характер, и характерным в этом контексте был «кружок петрашевцев», которому в работе (в последующих параграфах) уделено большое внимание.

Во втором параграфе *«Либерализм как вид инакомыслия («славянофилы», «западники») в контексте развития общественной мысли России во второй четверти XIX в.»* отмечается, что либеральное направление инакомыслия в основном использовало легальные формы выражения своих идей (выступления с университетских кафедр, печатные публикации, публичные дискуссии). Далее последовательно раскрываются общественно-государственные взгляды двух направлений либерализма. Так, указывается, что крупнейшими представителями славянофильства, развивавшими свои взгляды в философских, исторических и литературно-критических сочинениях, в публицистических статьях, были А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские, братья К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев и ряд других авторов. В идеологии славянофилов с наибольшей последовательностью выразилась неприязнь нарождавшегося русского либерализма революционных путей развития Запада. Они стремились найти решение стоявших перед Россией социальных проблем в исторически сложившихся специфических условиях русской жизни. Это был консервативный либерализм, устремленный к идеализированному прошлому, в связи с чем значительное внимание уделялось христианской религии в лице православия, которая должна была стать нравственной основой будущей России. Так, по мнению И.В. Киреевского, сочетание истинного христианства, глубоко вошедшего в сознание русского народа с «естественным развитием народного быта», и определило самобытность русской жизни, характер ее исторического развития, прямо противоположного Западу. Коренные начала русского народного быта славянофилы видели в общинном землепользовании и самоуправлении. Отрицая классовый антагонизм интересов крестьян и помещиков, они отстаивали представление о патриархальном характере помещичьей власти над крестьянами. Вся концепция славянофильства была подчинена отрицанию общей исторической закономерности и утверждению самобытности русского исторического процесса, при котором «закон переворотов, вместо того чтобы быть условием жизненных улучшений, есть условие распада и смерти» (И.В. Киреевский). Развитие России совершалось и должно совершаться «гармонически и неприметно», то есть путем постепенных преобразований, проводимых сверху. Если иметь в виду важнейший – крестьянский – вопрос, то славянофилы признавали необходимость отмены крепостного права, но хотели сохранить при этом помещичье право на землю, феодальные повинности крестьян и верховную власть помещика над общиной. Говоря о политических реформах, славя-

нофилы ратовали за расширение начал местного самоуправления, созыв Земского собора с сохранением верховной власти царя, введение гласности, открытого судопроизводства, отмену телесных наказаний. Славянофилы полагали, что путь развития Запада predetermined такими «началами», как «формальный юридизм», рационализм, борьба светской власти и Церкви за политическую власть, примат материальных интересов над духовными, индивидуализм и социальный атомизм. Развитие этих «начал» на Западе привело, по их мнению, к борьбе политических партий, выдвигению на первый план проблемы прав и свобод человека и к социальным потрясениям. Как отмечал И.В. Киреевский, «желание для России республики» является не только «бредом», «невежеством» и «безумием», но также незнанием «ни русской истории, ни духа народа русского, ни характера теперешнего времени». При этом «любовь к царю» и защита самодержавной монархии сближались с любовью к Отечеству, «уважением к закону», «с понятием о справедливости, о порядке и благосостоянии всеобщем». Но при этом Киреевский пишет о «разумной свободе», развитии «общественного мнения» и «некоторой гласности», не разрабатывая, однако, этот аспект в деталях. Эти идеи контрастировали с реальностью, на что указывали славянофилы. Так, Аксаков оценивал современное ему состояние России как «внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью», «сильно отчуждение правительства и народа друг от друга». В качестве выхода из тупика правительству предлагается созывать «отдельные собрания сословий по какому-нибудь вопросу, касающемуся отдельно того или другого сословия», дать «свободу жизни и свободу духа стране», дать «свободу общественному мнению». Соответственно необходимо «снять гнет с устного и письменного слова», ибо свобода слова есть «неотъемлемое право человека». Далее автор обращается к политико-правовым взглядам «западников», идеология которых в значительной степени (без вопросов практического преобразования общества) является продолжением декабризма. Представителями этого идеологического течения были П.В. Анненков, В.П. Боткин, А.И. Гончаров, И.С. Тургенев, Н.П. Огарев, Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, Н.Х. Кетчер, Е.Ф. Корш, П.А. Чаадаев и др. Кроме того, сходную позицию по ряду позиций занимали А.И. Герцен и В.Г. Белинский, однако, учитывая, что, помимо западничества, Герцен и Белинский проповедовали революционный путь общественно-политических преобразований, что дает основание считать их радикальным инакомыслием, то взгляды этих публицистов рассматриваются отдельно. Отличие западников от славянофилов относительно взгляда на развитие политической ситуации в России состояло прежде всего в том, что для них благополучие России заключалось в создании политически зрелого, просвещенного общества, а таковым они во многом считали Европу. Главной русской особенностью, по мнению западников, была социально-правовая отсталость. В то же время первое поколение западников (А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, П.Я. Чаадаев) в 1830-е гг. не отрицали своеобразия России и ее особой миссии в истории. Западничество вытекало «из веры в существование общечеловеческих начал и общеобязательных идеалов. Отсюда его доверие к опыту Западной Европы, далее нас ушедшей вперед, но родственной нам по идеалам и стремлениям; отсюда его протесты против замкнуто-

сти и обособления России» (П.И. Новгородцев). Соответственно западники выступали за конституционно-монархическую форму правления западноевропейского образца, с ограничением власти монарха, с гарантиями свободы слова, печати, неприкосновенности личности, с введением гласного суда (К.Д. Кавелин). В этом плане их привлекал парламентарный строй Англии и Франции, вплоть до идеализации его некоторыми западниками. Вместе с тем солидарность западников со славянофилами проявлялась в общем для всех желании - отмены крепостного права, отрицательном отношении к самодержавно вообще и к бюрократическо-полицейской системе николаевского режима. Но в отличие от славянофилов, западники считали более важным не духовную (религиозную) сторону жизни, а материальную. Они выступали за самоценность человеческой личности как носителя разума, противопоставляли свою идею свободной личности славянофильской идее корпоративности (или «соборности»). Они считали нужным продолжить дело Петра I, реформы которого двинули Россию по пути европейского развития в сторону свободы и управления с помощью «современных актов и законов». К числу сторонников западничества относился и известный российский философ П.Я. Чаадаев, на воззрения которого серьезное влияние оказала связь с декабристским движением, однако реальная перспектива России виделась ему в негативном свете. Еще одним ярким представителем западнического инакомыслия был Т.Н. Грановский – один из создателей этого направления. Грановский внимательно изучал конституционные формы правления, выступал против монархического деспотизма, обличал католическую церковь, душившую просвещение и науку. Власть противодействовала либералам преимущественно методами цензуры, однако их голос вопреки этому к концу рассматриваемого периода звучал все громче.

В третьем параграфе *«Инакомыслие революционно-демократического направления (Герцен, Белинский, петрашевцы и др.) и организационные формы его консолидации»* отмечается, что особенность этого направления инакомыслия заключалась не только в том, что его представители распространяли свои взгляды в российском обществе (как, например, либералы – славянофилы и западники), но и определенным образом консолидировались в организационном плане, создавая предпосылки для последующего формирования в России оппозиционно-революционных организаций (например, Герцен и Белинский предпринимали шаги по развитию оппозиционных печатных изданий, а деятельность петрашевцев можно расценивать как прообраз будущих политических партий). Далее подробно излагаются воззрения об общественном и государственно-правовом развитии указанных представителей радикального инакомыслия. Так, затрагивая проблему формы государственного управления, Герцен отмечает, что представительная республика является переходным этапом от монархии к социальной республике, но вместе с тем отмечал, что монархия гораздо лучше представительного правления. Герцен полагает при этом, что тип монархии – это «отец, пекущийся о детях»; тип республики – «свободная артель, братья», имеющие одинаковое участие в правлении. Другой важный критерий сравнения – наличие или отсутствие «священного, неприкосновенного авторитета», который характерен для монархии в отличие от республики. Сле-

дующим критерием сравнения является «разум». Наличие последнего обязательно для республики; его отсутствие означает, что республика еще находится в развитии. В монархии вместо разума и способностей каждого человека необходимо управление, потому что подданные (которых держат за «недорослей и дураков») еще не способны к республиканскому политическому режиму. При этом монархия основана на «дуализме», причина которого в том, что народ никогда не может «совпасть с правительством». Отсюда с необходимостью вытекает, что монархия держится на божественном праве, абстракциях. У республики же «нет духовных и мирян, высших и низших, над ней ничего нет, ее религия – человек, ее бог – человек, и нету бога кроме него». Еще одним критерием сравнения указанных форм правления Герцен также считал систему административно-территориального устройства. В целом же Герцен отдает предпочтение демократическому режиму, но при этом делает оговорку, что не только монархия или политическая республика, но и республика социальная может быть нравственно уничтожена. Такой вывод следует из анализа Герценом исторического развития общества и государства. Так, когда революция во Франции была разгромлена, Герцен, глубоко впечатлившись этим событием, над которым много размышлял, констатировал, что революционная теория осталась в стороне, а при этом революционеров было множество: в любом кафе, за десятками столиков заседали они, «значительно и мрачно посматривавшие из-под поярковых шляп с большими полями, из-под фуражек с крошечными козырьками». Теперь, когда прокатилась волна репрессий, они напоминали Герцену бумажных драконов, «которыми китайцы хотели застрашать англичан». Он называет их «хористами революции». Как фон, они присутствуют везде, но ничего серьезного у них почерпнуть нельзя: «В их числе есть люди добрые, храбрые, искренно преданные и готовые стать под пулю. Но большей частью очень недалекие и чрезвычайные педанты». Целое поколение демократов сложилось накануне революции во Франции: «Люди с большим самолюбием, но с малыми способностями, с огромными притязаниями, но без выдержки и силы на труд. Легкость, с которой, и то только по-видимому, всплывают знаменитости в революционные времена - поражает молодое поколение, и оно бросается в пустую агитацию; она приучает их к сильным потрясениям и отучает от работы. Жизнь в кофейных и клубах увлекательна, полна движения, льстит самолюбию и вовсе не стесняет. Опоздать нельзя, трудиться не нужно, что не сделано сегодня, можно сделать завтра, можно и вовсе не делать». Разгром революции он принял за признак несомненного истощения энергии западных народов. И поэтому вся надежда – на «русский социализм», составляющие которого: государство; образованное меньшинство; община; личность; власть. Социализм, по мнению Герцена, имел не классовый, как считали многие радикалы, а национальный характер. При этом особо следует отметить, что залогом русской социальной революции Герцен считал крестьянскую общину, отсутствие развитой частной собственности крестьян на землю, традиции коллективизма, взаимопомощи, артельности в русском народе (К.В. Аршин, А.В. Павлов). В работе затрагиваются также вопросы лондонского этапа жизни и творчества Герцена. Говоря о Белинском, диссертант отмечает, что Белинский, следом за

Герценом, соединил идею социализма с идеей революции: «Смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови». Страстный, порывистый, весь устремленный в будущее, Белинский жаждал скорейшего пробуждения революционного сознания россиян. Для власти он был опасен тем, что революционные идеи (которые так и не получили последовательного и аналитического обобщения, возможно, по причине ранней смерти литератора) преподносил не через научные положения, а посредством всем доступного литературного языка. Наибольшую известность в рассматриваемом контексте получило его письмо к Н.В. Гоголю от 15 июля 1847 г., где, в частности, Белинский ставит как первоначальные три требования: 1) «уничтожение крепостного права», 2) «отменение телесного наказания», 3) «введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть». Если власть на это не пойдет, то остается революция. В этом и состоял ярко выраженный радикализм Белинского. Далее рассматриваются взгляды петрашевцев. Указывается, в частности, что большинство петрашевцев отвергали самодержавный строй и полагали его уничтожить насильственным путем – путем восстания (восстание, вспыхнув на Урале, должно было распространиться на Поволжье и Дон, с последующим движением восставших на Москву). При этом один из петрашевцев – Катенев – считал необходимым физически уничтожить императора. Однако при обсуждении этого вопроса главенствующей стала мысль об изоляции царя, его окружения и других высших чиновников. С другой стороны, интересной представляется идея межнационального сотрудничества в России, которую обсуждали петрашевцы. В этом контексте, например, Петрашевский указывал, что «социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей – для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди». Нельзя не видеть, что это положение будет в дальнейшем использоваться в идейном обосновании Октябрьской революции 1917 г. и дальнейшем деятельности ВКП (б)-КПСС. Однако нужно отметить и то, что указанная мысль среди петрашевцев была дискуссионной. Для Петрашевского и большинства его сподвижников социализм представлялся надклассовой, всеобщей, объединяющей всех людей идеей, и в этом контексте они противопоставляли ее либеральным идеям своего времени, полагая ее идеей корыстно-сословной, но при этом тот Петрашевский не отрицал, например, купечество, то есть идея социализма в понимании петрашевцев сопрягалась с элементами буржуазной системы общественно-государственного устройства, и в этом усматривается некоторая противоречивость такого рода рассуждений, что, впрочем, неудивительно, учитывая, что в то время социалистическое учение в России проходило стадию начального формирования.

Вторая глава **«Государственный репрессивный механизм в борьбе с инакомыслием в годы правления Николая I»** включает в себя три параграфа.

В первом параграфе *«Административно-уголовные запреты в отношении инакомыслящих и ответственность за их совершение»* отмечается, что борьбы с инакомыслием властью вводились как административно-правовые, так и уголовно-правовые запреты. Далее последовательно рассматриваются эти

группы мер. В части административно-правовых запретов применительно к инакомыслию следует выделить прежде всего цензурные ограничения. В этой связи диссертант подробно анализирует цензурное законодательство. Так, в 1826 г. был принят новый цензурный устав (вместо прежнего от 1804 г.), который был крайне обширен - состоял из 19 глав и 230 параграфов. Более половины глав Устава освещали концептуальные вопросы, организационные основы и структуру цензурного аппарата. Остальные главы были пронизаны стремлением раскрыть способы и методы цензуры разных типов произведений печати. Основная цель Устава – борьба с «вольнодумными» сочинениями, «наполненными бесплодными и пагубными мудрствованиями новейших времен». Запрещалось печатать статьи о современной политике и рассуждения, в которых заметны мысли «о происхождении законной власти не от бога» и излагаются взгляды, «противные христианской религии». Исходя из этого, предусматривались санкции для владельцев типографий, книгопродавцев и содержателей библиотек – от штрафов (увеличивавшихся после и первого предупреждений) до закрытия предприятия. Среди общественности устав называли «чугунным», который тяжелым прессом придавил печать. Достаточно сказать, что за первую половину XIX века было запрещено 69 книг, из них 45 приходилось на цензурный устав 1826 г. Многие запреты были столь одиозными, что власть решила некоторым образом подправить цензурное законодательство, для чего был разработан и принят новый, несколько смягченный цензурный устав (от 22 апреля 1828 г.). Однако в части политической сферы запреты, напротив, усилились. В частности, было запрещено обсуждать печатно «современные правительственные меры» (по сути власть выходила из области ответственности перед обществом даже на уровне обсуждения ее деятельности). Изменения коснулись преимущественно цензурного аппарата: взамен Верховного комитета и Главного комитета при министерстве просвещения в Петербурге были сформированы Главное управление цензуры и цензурные комитеты в Петербурге, Москве, Риге, Вильне, Киеве, Одессе, Тифлисе. В состав Главного управления цензуры, помимо представителей от министерств, вошел управляющий канцелярией III Отделения, что однозначно можно расценивать как усиление влияния политической полиции во внутренней политике страны. В дальнейшем имели место противоречивые явления. С одной стороны произошедшие в Европе революционные события (вторая половина 1840-х – первая половина 1850-х гг.) сказались и на цензурном режиме - были запрещены целые разделы знаний для преподавания, установлен строгий контроль за лекциями профессоров, предпринимались попытки насильственного руководства общим направлением преподавания в духе «видов правительства» и казенно-патриотической доктрины. С другой стороны печатные работы, содержавшие оппозиционную идеологию, все чаще находили место на страницах литературных журналов, на которые администрирование, в отличие от образовательных учреждений, распространялось в меньшей степени. В диссертации раскрываются при этом такие противоречия. В работе отмечается далее, что административный характер носили и решения о переводе по службе в отдаленные места тех лиц, которые проявляли признаки инакомыслия, однако в официальных решениях связи с инакомыслием не

было (например, в 1841 г. Лермонтов был удален на Кавказ). Затем в работе рассматриваются составы государственных преступлений, установлением ответственности за которые власть также боролась с инакомыслием. В диссертации выявляются основные тенденции развития уголовного права, а анализ составов политических преступлений даются по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., где собственно государственным преступлениям посвящен Раздел III Уложения. Так, в ст. 267 Уложения определяется ответственность за такой состав государственного преступления, как составление и распространение печатных сочинений или изображений с умыслом возбудить неуважение к императору как главе государства или к его личным качествам, возбудить недовольство системой управления в стране. Закон предусматривает ответственность не только за оконченное преступление, но и за приготовление к нему. Все соучастники наказывались одинаково – лишением всех прав состояния и каторгой. Виновные только в составлении сочинений или изображений либо только в хранении их наказывались значительно мягче (вплоть до применения к ним ареста от семи дней до трех месяцев и последующего полицейского надзора). В ст. 268-269 предусматривается такое государственное преступление как словесное оскорбление императора. Этот состав был известен и ранее, например в арт. 20 Артикула воинского. Есть и новый состав – повреждение портретов и других изображений императора. Ответственности подлежат и прикосновенные лица – попустители и недоносители. Пьяное состояние преступника (если он действовал без умысла) являлось обстоятельством, смягчающим наказание. Согласно ст. 270 наказываются те же деяния, но совершенные против наследника престола, супруги императора и членов императорского дома. В ст. 271 Уложения предусматривается ответственность за многие деяния, рассматриваемые законодателем как тяжкие государственные преступления, – восстание против государя, заговор, намерение свергнуть его с престола, изменить образ правления, установленный порядок передачи престола по наследству. Под бунтом против власти в Уложении понимается восстание «скопом» (то есть выступление многих людей, подданных государства), подготовленное тайно, заговорщически и сопряженное с насильственными действиями. Виновными признавались как те, кто стоял во главе организации заговора, так и принявшие в нем участие, оказавшие помощь заговорщикам в любой форме, не донесшие о заговоре. Но при общем сходстве с предшествовавшим законодательством статья имеет и существенные особенности: она указывает на такие преступные действия, как намерение изменить форму правления или изменить порядок передачи престола по наследству. Одно из обвинений петрашевцам квалифицировалось как раз по данной норме Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В ст. 273 устанавливается ответственность за письменную и устную антиправительственную пропаганду. Состав преступления определен здесь более современно по сравнению со ст. 267 и с учетом развивающегося протестного движения в России. Печатным изданиям царское правительство в это время уделяло много внимания, на что ранее мы обращали особое внимание. Речь шла и о борьбе с распространением демократической печати, издаваемой русскими эмигрантами на Западе, с распространением сочинений, про-

кламаций, подготовленных в тайных кружках. Помимо Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в рассматриваемый период уголовно-правовые нормы содержались и в ряде других правовых актов, распространяющих свое действие на определенные категории лиц (Устав военно-уголовный 1839 г. как составная часть Свода военных постановлений, Свод морских уголовных законов 1851 г., Сельский полицейский и сельский судебный уставы 1839 г. для государственных крестьян). которым также уделяется внимание в работе.

Во втором параграфе *«III Отделение как важнейшее звено в системе политико-репрессивных органов: правовое регулирование и деятельность в борьбе с инакомыслием»* отмечается, что восстание 14 декабря 1825 г., равно как и предшествующая тайная деятельность декабристов, преследовавших цель свержения самодержавия, заставили императора Николая I коренным образом изменить подход к антигосударственным проявлениям. И уже в середине 1826г., не дожидаясь объявления и исполнения приговора Верховного уголовного суда над декабристами, Николай I принимает ряд решений по усилению репрессивного государственного аппарата. Важнейшим был Указ об учреждении III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии (состоялся 3 июля 1826 г.). Диссертант подробно анализирует этот документ. Отмечается, в частности, что в этом указе сформулирована сфера деятельности III Отделения, в то время как его внутреннее устройство и образ действия еще не определены, что свидетельствует о торопливости императора в решении этих вопросов. Примечательно, что для этого органа была избрана организационная форма, которая ранее уже применялась. В дальнейшем правовая база на основе указанных документов совершенствовалась. Так, 18 апреля 1827 г. специальным указом был создан Корпус жандармов, а 1 июля 1836 г. императором было утверждено Положение о Корпусе жандармов с многочисленными приложениями, которое на протяжении последующих 30 лет будет основополагающей нормативной базой, определяющей главные аспекты организации деятельности Корпуса жандармов. Диссертант анализирует ряд инструкций для чиновников политической полиции, подготовленных лично первым начальником III Отделения Бенкендорфом. Далее указывается, что аппарат непосредственно III Отделения был первоначально сравнительно небольшим (32 чиновника), и сам по себе он не мог охватить всю территорию империи. Поэтому на местах делами политической полиции занимались полиция, а затем и местные жандармские управления. Вся страна была разделена на несколько (сначала пять, потом восемь) жандармских округов, во главе которых стояли высшие жандармские чины. Округа, в свою очередь, распались на отделения. Жандармерия стала своеобразной вооруженной силой III Отделения, необходимой для проведения его мероприятий при арестах, несении обязанностей «наблюдательной полиции». Довольно скоро III Отделение стало ведущим органов в борьбе с инакомыслием. Так, в январе 1831 г. Бенкендорф обратился к ярославскому губернатору со следующей депешей: «В случае, когда в губернии появятся какие-либо воззвания к народу или сочинения, клонящиеся к внушениям мирным жителям мнений, противных государственным постановлениям или гражданскому порядку, вы ... немедленно

но, препроводив оные ко мне, примите надлежащие меры к открытию сочинителей и распространению таковых разглашений». 12 марта 1838 г. Бенкендорф обратился ко всем губернаторам с распоряжением присылать к нему по экземпляру местных «Губернских ведомостей». 28 марта 1843 г. встревоженный либеральными нотками в ярославской газете, начальник 2-го жандармского округа генерал С. В. Перфильев дал секретное указание местному штаб-офицеру иметь «неослабное наблюдение» за «Ярославскими губернскими ведомостями». В том же году управляющий III Отделением и начальник штаба корпуса генерал Л. В. Дубельт прислал губернатору список запрещенных к постановке пьес. Наряду с грибоедовским «Горе от ума» числились «Братья-разбойники» Шиллера. В конце 1840-х - начале 1850-х гг. запретили показывать «Манфреда» Байрона, «Лекаря по неволе» Мольера, «Свадьбу Фигаро» Бомарше как пьесы, проникнутые радикализмом. К их числу власти отнесли и гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Петербургские квартиры» Кони и ряд других театральных произведений. Более тщательным стал надзор за водевильным репертуаром. Так, в афишах обязательно должны были ставить надпись – «с дозволения начальства». В период европейских революций 1848 г. активность спецслужб namного выросла. В этой связи анализируется ряд донесений агентов III Отделения. Затем в работе раскрывается вопрос непростых взаимоотношений губернских властей с жандармскими, между которыми нередко наблюдалось соперничество. По положению и обычаю высшим лицом в губернии являлся губернатор, однако рядом с ним становился жандарм, действовавший совершенно самостоятельно и при всяком удобном случае многозначительно ссылавшийся на «секретную инструкцию». Оба они, независимо друг от друга, доносили каждый своему начальству обо всем происходящем в губернии, причем губернатор пользовался услугами полиции, которая подчинялась Министерству внутренних дел. Такого рода отношения нашли отражение в деле петрашевцев. Автор отмечает, что отношение к III Отделению и корпусу жандармов в стране было неоднозначное. В целом авторитет этих служб постепенно падал, хотя формально их власть значительно выросла. Это объяснялось тем, что крепостническая система, которую главным образом защищало ведомство, полностью изжила себя, а надежды на реформы и установление в стране законности с помощью жандармов не оправдывались. Не смогли жандармы покончить и с коррупцией, лихоимством, произволом чиновников и помещиков. Отсюда и падение престижа службы в «голубом мундире» среди офицеров армии и флота, откуда набирался командный состав корпуса. И позже, уже за пределами рассматриваемого периода (1860-1870-е гг.) наступил кризис политического розыска, что выразилось в неспособности III Отделения противостоять революционному движению народничества, их террористическим актам, в ходе которых погибло немало сановников, в том числе жандармские генералы, а позднее и сам Александр II. В целом же при Николае I тайная политическая полиция, бесспорно, получила свое наивысшее развитие, если, разумеется, иметь в виду, защиту ею интересов власти. В работе раскрывается также роль других правоохранительных органов (прежде всего общей полиции) в борьбе с инакомыслием.

В третьем параграфе «*Следствие и суд по делу петрашевцев и его значение в общественно-политическом развитии России*» отмечается, что в рассматриваемый период наиболее резонансным процессом против инакомыслящих был суд над петрашевцами (1849 г.). В начале 1848 г. властям удалось внедрить в кружок Петрашевского своего агента-провокатора П. Д. Антонелли, который в течение почти года представлял подробные сведения о деятельности этого тайного общества (помимо этого главного агента были и другие, менее значимые). Куратором этого агента был генерал-аудитор И.П. Липранди, который, в свою очередь, выполнял указания министра внутренних дел Л. А. Перовского. На этом этапе, как ни странно, III Отделение (шеф жандармов А.Ф. Орлов, управляющий Л.В. Дубельт) оказалось на втором плане, упустив инициативу выявления и наблюдения за кружком подразделениям Министерства внутренних дел. Более того, история с арестом петрашевцев могла затянуться, если бы не внешний фактор – дело в том, что Николай I, готовивший важнейшую военно-политическую акцию (ввод некоторых подразделений российской армии на территорию австрийской Галиции в знак помощи австрийскому императору в подавлении венгерского восстания), категорически не желал на этом фоне иметь внутренние проблемы, о которых ему намекнули во французской газете. И в этой связи он дал указание передать материалы о петрашевцах, включая списки предполагаемых арестантов, в III Отделение, которое с того момента взяло операцию под свое управление, и без промедления произвести аресты (известны слова императора на доклад по этому поводу: «Я все прочел; дело важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нестерпимо. Приступить к арестованию ... точно лучше, ежели только не будет разглазки от такого большого числа лиц, на то нужных ... С Богом! Да будет воля Его!»). В этом контексте следует заметить, что дело петрашевцев представляет собой классический пример запланированной полицейской провокации, впервые примененной при производстве политического сыска в России (напомним, что в деле декабристов политическая полиция вплоть до решающего дня восстания занимала пассивно-оборонительную позицию). Задержанием петрашевцев руководил Дубельт. Аресты были запланированы в ночь с 22 на 23 апреля, с пятницы на субботу, но уже после вечера у Петрашевского. Эта «пятница», последняя, завершилась где-то около четырех часов утра, а аресты начались еще позднее, около шести часов. Уже 23 и 26 апреля Николаем I были учреждены две комиссии: 1) непосредственно следственная, под председательством генерал-адъютанта И. А. Набокова, коменданта Петропавловской крепости (в нее еще вошли кн. П. П. Гагарин, генерал-адъютант кн. В. А. Долгоруков, Л. В. Дубельт, Я. И. Ростовцев); 2) для разбора бумаг и книг арестованных (ее председатель – кн. А. Ф. Голицын, члены - А. А. Сагтынский, И. П. Липранди, секретарь А. Ф. Орлова А. К. Гедерштерн). Обе комиссии приступили к работе 26 апреля. Ситуация выяснялась на основе подробнейших допросов – как устных, так и письменных, и в этом наблюдается аналогия с делом декабристов. Многодневное и даже многомесячное сидение в одиночных камерах Петропавловской крепости, без свежего воздуха, без прогулок, без медицинской помощи, при полном незнании, что творится на воле, как ведут себя това-

рищи по кружку несчастью - все это являлось суровым испытанием для заключенных. При таких обстоятельствах, к которым следует добавить и отсутствие защитников, нет ничего удивительного в том, что часть петрашевцев решили сознаться в совершении государственного преступления и покаяться. Указывая на эти факты, диссертант не склонен соглашаться с критически-саркастической оценкой поведения таких петрашевцев, как это делает, например, Б.Ф. Егоров. Не следует забывать, что речь идет о молодых людях, в данном случае, гражданских, заинтересовавшихся оппозиционной идеологией. Диссертант полагает, что не было оснований ждать самопожертвования, подвига от юношей, попавших вдруг в жесткий оборот тайной политической полиции, оказавшихся в тюремной камере без какой-либо защиты, и, тем более, что практические шаги по реализации оппозиционной идеологии не проводились и были не ясны, да и с теоретической точки зрения кружковцы много дискутировали, то есть цельной, продуманной, признанной, в том числе какими-либо корпоративными обязательствами, политической программы не было, и кружковцы, как нам представляется, были вольны в выборе своей позиции. И поэтому с моральной точки зрения некоторого порицания заслуживают, очевидно, разве что действия Ястржембского, прямо переведшего вину с себя на своих товарищей. К тому же нужно иметь в виду, что в большинстве своем арестованные оказались более стойкими. Даже испугавшиеся, заболевшие, думавшие о судьбе семьи, каялись, просили пощады, но не «сдавали» своих товарищей. Характерной в этом смысле является позиция художника Бернадского, который, в частности, показывал: «Я упоминаю о Баласогло, что я вместе с ним отправился к Петрашевскому; я никак не позволю себе думать, что Баласогло приглашал меня с намерением меня познакомить. Боже меня сохрани, я никак не виню Баласогло». Многие петрашевцы во время допросов отвечали уклончиво, активно используя различные формулы забывчивости («не видел», «не помню», «не знаю», «не знаком» и т.п.). Что касается Петрашевского, то его яркая и деятельная натура достойно проявила себя и на следствии. Он активно защищался, требовал свод законов, требовал предъявить доносы, по которым обвинялись подозреваемые. Напоминал комиссии, какими принципами ей руководствоваться: не методом Ришелье, который готов был из любых семи слов составить такой преступный смысл, за что можно было присудить к смертной казни, а изречением Екатерины II: «Лучше простить десять виновных, нежели одного невинного наказать». Петрашевский предъявлял претензии, в частности, в связи с тем, что в течение трех суток, как положено по закону, не была объявлена причина заключения в крепость, обвинял комиссию, что в ходе следствия постоянно нарушались законы, имели место злоупотребления властью, подлоги по службе и т.д. Петрашевский действовал как хороший юрист, прекрасно осведомленный во всех тонкостях ведения процесса, и активно себя защищал. И в этом смысле имеется серьезное различие с позицией декабристов. Далее автор исследует причины того, почему суд был военным, при том, что из 28 петрашевцев, которым было предъявлено обвинение, лишь четверо являлись военными служащими, и Россия не находилась в состоянии войны. Суд подчеркнул политический и антиправительственный характер деятельности кружка и главных «зачинщи-

ков». Затем началась чехарда с судебными решениями. Первоначально суд (военно-судная комиссия) приговорил 15 человек (Петрашевского, Спешнева, Момбелли, Григорьева, Львова, Филиппова, Ахшарумова, Дурова, Достоевского, братьев Дебу, Толля, Головинского, Пальма, Шапошникова) - к расстрелу, остальных – к каторге и иным видам наказаний. Решение комиссии поступило на рассмотрение высшей военно-судебной инстанции - генерал-аудсториата, состоявшего из восьми генералов. Этот орган решил, что все наказанные (21 человек) должны быть приговорены к расстрелу, но тут же для императора, который с самого начала был в курсе всего дела, был предложен вариант для акта гуманности. Николай I в итоге распорядился инсценировать смертную казнь (этот эпизод известен во многом благодаря тому, что через данную процедуру прошел петрашевец, будущий великий писатель Достоевский), после чего зачитать там же, на Семеновском плацу, окончательный приговор. О непоследовательности власти при вынесении приговора говорит, например, тот факт, что один из приговоренных к расстрелу в итоге был вообще отпущен на свободу. После смерти Николая I многие петрашевцы были помилованы. В пору правления более либерального Александра II они активно участвовали в работе земств, занимались наукой и писательским трудом. И только один М. В. Петрашевский так и не получил амнистии – он умер на поселении в 1866 г.

В заключении сделаны основные выводы по диссертации.

* * *

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых государственных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований.

1. Составы политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Общество и право. № 4 (32). 2010. - 0,25 п.л.

Иные публикации.

2. Уголовный процесс в николаевской России (1825-1855 гг.) и его особенности в отношении инакомыслящих // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе. 8-я Всероссийская научно-практическая конференция. Новороссийск, 2010. -0,2 п.л.

3. III Отделение как орган политического сыска в борьбе с инакомыслием и нормативная база его деятельности во второй четверти XIX в. // Правовой порядок: актуальные проблемы развития государственно-правовых институтов. М.: Вузовская книга. 2010.- 0, 35 п.л.

4. Судопроизводство в России в период правления Николая I и его применение по делам о преступлениях против власти // Там же. – 0,2 п.л.

5. Основные направления развития инакомыслия в годы правления Николая I // Социально-гуманитарный вестник Юга России. № 7/1.2010. – 0,25 п.л.